

УДК 130.2+141.32+316.722

**ПРИРОДА ФЕНОМЕНА «СОБЫТИЕ»
В ПРИЗМЕ КОНЦЕПЦИИ ЖИЛЯ ДЕЛЕЗА**

Пилюгина Е.В.

В статье через призму событийной концепции Ж. Делеза исследуется амбивалентно языковая и социальная природа события; анализируются референции между атрибутами события: знаком, значением и значимостью; определяется роль в событии «плавающих означающих», а также, внедряемых в систему события вирулентных идей и имен.

Ключевые слова: событие, событийность, знак, значение, значимость, плавающее означающее, эзотерические слова.

**THE NATURE OF THE PHENOMENON “EVENT”
IN THE PRISM OF THE CONCEPTION BY GILLES DELEUZE**

Pilyugina E.V.

Through the prism of the “event” conception by G. Deleuze the article explores the ambivalent language and social nature of the event. It analyses references between attributes of the event: sign, meaning, and significance. It also defines the role of "floating signifiers" in the event and implementation of the virulent ideas and names into the system of event.

Keywords: event, eventfulness, sign, meaning, significance, floating signifiers, esoteric words.

Современная социальная реальность – реальность информационного общества – во многом обеспечена языком, культурой употребляемых слов и высказываний; пространство социума синонимично пространству языка. Выявить референции и векторы взаимовлияния языковой и социальной реальности позволяет исследование отдельных феноменов, принадлежащих как пространству языка, так и социальному пространству. Такие феномены (одновременно, ноумены) играют роль реверсов, направляющих течение

преобразующей человеческой энергии «в обе стороны»: от языка, речи к конкретной социальной деятельности, и от конкретных социальных явлений к их воплощению в языке и информационном пространстве, создаваемом посредством языка. Французский философ постмодернистского направления Жан Бодрийяр называет такие реверсные феномены / ноумены, являющиеся, одновременно, и субъектами, и объектами, располагающиеся и в сфере реального, и в сфере ирреального, «феноуменами» [1]. В эту когорту могут быть записаны такие значимые сегодня понятия/явления как «дискурс», «нарратив», «текст», «деконструкция»; но особое место постмодернистской гуманитарной наукой отводится феномену «событие», позиционирующегося своеобразной «реперной точкой» современного социального (и языкового) бытия. Иные значимые социально-языковые явления вводятся в оборот через их опосредованную связанность с событиями, то есть, за счет наличия в них *событийности*.

Проблема события интегрированная, касается различных областей социально-гуманитарного знания, но, прежде всего, это социально-философская проблема. Нет разницы, откуда начинается процесс событийного распознавания – с филологического исследования, социологического или культурологического; в любом случае в «сухом остатке» вопрос о квалификации явлений как событий и о влиянии событий на конструирование современной социальной реальности.

Пальма первенства в попытке философского осмысления амбивалентной природы события через распознавание границы между событием как ноуменом и событием как феноменом принадлежит соплеменнику и, в определенном смысле, соратнику Ж. Бодрийяра, Жилью Делезу. Так, постулируя амбивалентную языково-социальную природу события, Делез отмечает, что «событие наличествует в языке, но оживает в вещах» [2, с. 45]. При этом французский философ акцентирует номинативную составляющую события, утверждая, что «именно язык фиксирует пределы» (события), но также «именно язык переступает эти пределы, разрушая их в бесконечной

эквивалентности неограниченного становления...» [2, с. 16]. Важно отметить, что именно Делез ввел практику различения смысла события, его обозначения, и названия (имени события). Обратимся и мы к этой проблеме, – как представляется, ключевой в осмыслении феномена событийности, – проанализируем, вслед за Делезом и в ракурсе его концепции, коннотацию операций наименования/обозначения события, как и демаркацию между ними.

При анализе того или иного события, как правило, первым «бросается в глаза» имя события (название), и неискушенному социальному субъекту легко может показаться, что это имя что-либо означает. На самом деле, имя может означивать (представлять событие в знаках, самому представать как *знак* чего-либо), но вовсе не обязательно означает (фиксирует и представляет *значение* события). Имя – всего лишь презентация события. Любая успешная презентация должна быть яркой, запоминающейся, даже, если при этом она имеет лишь косвенное отношение к реальной значимости того, что представляет, или просто вводит в заблуждение.

Имя – знаковая презентация события. Имя может быть пустым, то есть не нести нагрузку никаких значений. Такое «пустое имя» как «имя розы» предъявил миру Умберто Эко в своем знаменитом романе [4]. Ж. Делез же под таким «пустым именем» имеет в виду «имя нонсенса». Одновременно, это – имя «чистого» (идеального) события, события как становления, но становления ради самого становления, и, следовательно, события ради самого события.

Нонсенс, по Делезу, не отсутствие смысла, а «отсутствие отсутствия смысла», что создает ситуацию не только «присутствия смысла» (хотя это, скорее, квази-присутствие, и квази-смысл), но даже некоторый переизбыток смысла. Здесь мысль Делеза перекликается с идеей Эко [5]: чем более пустое имя, тем большую смысловую нагрузку оно несет – потенциально, не актуально; мы сами додумываем, домысливаем ничего не значащие «имена», нагружаем их смыслами. Потому что мы – люди, наше сознание «не терпит пустоты», бес-смысленности; если сознание не получает посыл смысла в

каком-либо имени (названии), оно начинает само производить смыслы, и тем более продуктивно, тем меньше на то основания.

Конечно, производимые при этом смыслы зависят от производящего субъекта, точнее, от той нарративной нагрузки, которую он содержит в себе. Сам по себе нарратив производящего смыслы субъекта представляет собой смесь и конвергенцию смыслов, порожденных участием в различных событиях, их наименованиях и обозначениях, и выступает в виде индикатора распознавания новых смыслов (событий). Но переключателем этого распознавания становится имя события. Имя как бы замыкает цепь, создавая волну смыслов. Чем более «пустое» имя, тем большая волна смыслов. Соотнося сказанное с феноменом событийности, обнаруживаем следующее: порой, совершенно незначительный изначально факт, получивший эффектное название – имя на грани парадокса, нонсенса – привлекает большое внимание, как бы обрастает смыслами, знаками и значениями. Если рассматривать контекст всей современной социальной жизни, то, по словам Делеза, признаком и даже «задачей сегодняшнего дня» является как раз стремление «заставить пустое место циркулировать, а доиндивидуальные и безличные сингулярности заставить говорить, – короче, чтобы производить смысл» [2, с. 106]. (Жак Деррида назовет это деконструкцией смысла – одновременно, деконструкцией реальности).

Более того, имя события – это, часто, имя имени («имя розы»): попытка докопаться до истины имени (предпосылок его происхождения или того, что имя действительно может означать) скорее всего, приведет нас вовсе не к реальным предпосылкам введения имени (называния события) или к значениям имени, а... к другому имени. Имя может быть тафтологично, снова и снова возвращая нас к себе и оправдывая любые значения собой. Потому что непосредственно само имя называет, но не обозначает. Истина имени состоит в том, что имя, по большому счету, ничего не значит; но оно заставляет циркулировать значения. При этом имя часто скрывает свою истину, выступая как псевдозначимый знак.

Итак, назвать событие и обозначить событие – разные вещи. Более того, согласно Делезу, это взаимно зеркальные вещи. Имя события – перевернутое значение события. Так как значимость задается социальным субъектом (как совокупностью нарративов), то, получается, что процесс наименования событий и *реализации событий* тоже зеркальны по отношению друг к другу. Проникнуть «по ту сторону» зеркальной поверхности события, значит, проникнуть «по ту сторону языка», «по ту сторону самого события». И, одновременно, это значит – проникнуть в смысл события, «достичь области, где язык имеет отношение не к тому, что он обозначает, а к тому, что выражает, то есть к смыслу» [2, с. 46].

Таким образом, смысл события не сводится к имени. Но смысл события не сводится и к значению события (значениям, так как их всегда целая совокупность). С именем смысл взаимно зеркален; значения события связаны со смыслом как процесс с результатом. В определенной степени, значения выступают и как фрагменты смысла, а смысл – это конгломерат всех значений того или иного события в процессе их проявления (в процессе о-значивания события), актуальных и потенциальных, прошлых, настоящих и будущих. Смысл бесконечно ветвится – посредством производства новых значений. Но это вовсе не значит, что сам смысл события производит значения; значения возникают под влиянием самых разных социальных обстоятельств и в определенных благоприятных социальных условиях. Смысл события – это «древо» события, само событие, взятое в своей «сериальности», то есть, в совокупности всех актуальных и потенциальных событий, производных от данного. Значения – это и «корни», и «ветви», и «плоды».

В процессе о-значивания и о-смысления события (то есть, реализации события как события) возникает ситуация «парадоксального регресса»: с одной стороны, «смысл всегда предполагается, как только я начинаю говорить» [2, с. 49], и в то же время, если я говорю, значит мне этого смысла недостаточно, в говорении я раскрываю смысл – проясняю, объясняю, убеждаю и доказываю – для себя и собеседника. Любое говорение и предполагает смысл, и делает его

недостаточным. В самом чистом виде – смысл определяется самим смыслом. И это есть делезовское «чистое событие», которое содержит только смыслы, только сигнификации, и больше ничего; «идеальное событие», окончательно порвавшее свою связь с телами и вещами, с реальностью и реальными людьми. Но парадокс в том, что, порвав связь с реальным, потеряв свою вещность, идеальное событие перестает реализоваться. То есть, перестает быть событием. Так в «чистом» событии умирает само событие, как и со-бытие – растворяется в этих сигнификациях, в этом говорении, становится прозрачным, событием-симулякром. Действительная (и действенная) событийность – в процессе перехода фактов и явлений в события, до достижения ими «чистой», идеальной, событийности, так как идеальные события становятся исключительно прерогативой языка, их существование – «безличное и до-индивидуальное существование только внутри выражающего их языка» [2, с. 221].

Следует отметить, что Делез выделяет три операции по распознаванию (смысла) события: денотацию, манифестацию и сигнификацию [2, с. 29], полагая, что в процессе осуществления этих операций, и, особенно, в соотношениях между ними, а также, в процессе цикличной смены операций происходит означивание и осмысление какого-либо факта или явления как события. При этом манифестация (вероятно, здесь отсылка к латинскому протоаналогу «manifestatio» – «объявление, обнаружение»), под которой Делез понимает выражение «Я» в процессе говорения, выделение «Я» (Cogito) каких-либо знаков и рассмотрение их в качестве значимых именно для себя, для конкретно этого Cogito, и сигнификация (собственно, создание и употребление людьми знаков, которую французский философ расширяет до трактовки «осмысление знаков в процессе употребления», то есть, концептуализация знаков-слов) фактически, сливаются.

Сам Делез косвенно указывает на это: «понятийные сигнификации ни самодостаточны, ни раскрыты как таковые: они только подразумеваются Я, рассматривающего себя как имеющего такое значение, которое понимается сразу же и совпадает с собственной манифестацией» [2, с. 33]. Если упрощенно

и в контексте трактовки событий как результатов производства различных социальных субъектов, в том числе, индивидов, то манифестация - выражение «Я» как индивидуальности, а сигнификация – выражение «Я» как личности. Но что мы можем сказать о «чистой» индивидуальности, с тех пор, как уже сформировалось личностное восприятие? А до тех пор, до конституирования личности, происходящего в процессе означивания и осмысления объектов внутреннего и внешнего мира, индивидуальность, конечно, присутствует, но просто не выразима – не освоен еще язык для выражения. Фактически, *освоение* (и *при-своение*) языка (в самом широком смысле, как основного человеческого инструмента, обеспечивающего ориентацию и, в целом, существование во внешней среде) тождественно процессу личностного формирования.

Таким образом, манифестация индивидуальности через выбираемые этой индивидуальностью знаки трудноуловима, текуча, для ее обозначения правомочно использовать понятие «сингулярность», что, в общем, впоследствии и делает Делез [2, с.143-144].

Исходя из сказанного, вполне правомерно последовать воззванию У. Оккама «не умножать сущности сверх необходимого», объединив манифестацию и сигнификацию в общий процесс означивания/осмысления тех знаков-имен, которые проявляются в процессе денотации. Таким образом, остаются две базовые операции по осмыслению фактов, явлений как событий: денотация – «наделение именем» (или именами), «называние» события, и сигнификация – «обо-значение», «выделение значений» события.

Осмыслить эти операции и обеспечиваемый ими процесс событийности, значит, проникнуть в глубину события; или, по версии Делеза, оказаться на поверхности события («на поверхности слов»), овладев событием, как серфингист овладевает волной. При этом, подчеркиваем, что суть, в общем, не в самих семантических операциях и процессах, а в их соотношении, то есть *коннотации* – отношениях между коннотатом-смыслом и определенным

комплексом имен. Эти отношения и обеспечивают значения, циркулируя между именем (именами) события и его смыслом.

Делез стремится структуризировать и систематизировать (часто вопреки постулируемой им позже принципиальной асистемности языково-социальной жизни) выявленных им операций по денотации, манифестации и сигнификации. Так, он утверждает, что манифестация первична по отношению к денотации и даже сигнификации, но это проявляется «только в порядке «речи» [2, с.33]. Как отделить речь от мысли (от *Cogito*) остается загадкой, ведь говорит всегда *Cogito*, по крайней мере, мы можем осознать и принять, в свою очередь, только такое говорение; любая попытка «говорения», порожденная, например, «Ид», для нас будет выглядеть как бессмысленный набор звуков – знаков без означивания (сигнификации).

Один из важных моментов в осмыслении (а затем реализации) события – не просто выяснить, как связано событие с его смыслом, а определить векторы этой связи. В определенной степени, мы создаем некую логическую информативную модель соотношения «сущностей» (значений как фрагментов смысла) и «имен»: «один ко многим», «многие к одному», «многие ко многим», и т.д. В результате этого мысленного построения складывается довольно стройная логическая схема. Но жизнь не стоит на месте, процесс означивания события продолжается, его информативная «база данных» насыщается дополнительными «именами» и «сущностями», которые не всегда вписываются в изначально стройную и логичную систему события; система усложняется, включая противоречащие конкретно ей или даже вообще асистемные элементы. «Смысл – это всегда двойной смысл» [2, с. 55], – заявляет Делез, и мы вынуждены с ним согласиться. Но сегодня мы идем дальше, констатируя: смысл – это, возможно, и тройной смысл, и тетрасмысл, и так далее. Смысл – это полифония смыслов.

Это, конечно, вовсе не означает, что система (под которой мы подразумеваем здесь бесконечно разветвляющийся смысл-событие) может включить абсолютно все элементы-значения и элементы-имена; некоторые

отвергаются системой или игнорируются. Система включает тот элемент, который может быть идентифицирован самой системой как «свой», причем, насколько оправдана такая идентификация уже не важно: признав «своим», система открывает доступ новому элемент к операциям внутри самой системы. В результате, система становится уязвимой для внедрившегося (или внедренного искусственно) элемента. Если этот элемент – идея, то она может в корне перестроить всю систему, заставить ее работать на себя. Идея становится вирусом, заражая систему.

Если мы имеем в виду под системой событие, то в этом случае вирулентная идея, идущая в разрез базовой концепции события, может уничтожить само событие – явление или факт потеряют свою значимую событийность, исчезнут из области языка и сообщения. Впрочем, это все-таки, довольно сложный процесс, потому что важные события (как личностные, так и исторические) оставляют «травматический след», и в этом случае при означивании (и осмыслении) события оказывается задействовано не только сознание, но и подсознание, чувства и эмоции. Для аннигиляции такого события требуется длительный промежуток времени, напластывания других значимых событий, противоречащих или игнорирующих исходное. Поэтому, как правило, вирулентные идеи не уничтожают (аннигилируют значимость) события, а деконструируют его, создавая области новых оппозиционных значений и формируя иное смысловое восприятие события. Как если бы привитое к изначальному дереву события чуждая ветвь при отмирании «родных» ветвей создала облик нового дерева. (Разумеется, при этом всегда остается опасность, что засохшие родные ветви вдруг оживут, поэтому приходится постоянно противодействовать этому со стороны). Или когда внедренная идея – вспомогательная программа перестраивает под себя базовую программу события, заставляет производить новые значения; но при этом суть базовой программы как определенного инструмента приспособления к действительности, «внешнему миру», переделать не в силах.

Если внедрившийся спонтанно или искусственно внедренный в систему события элемент – понятие, имя, то такое имя может выступить в роли переключателя социального сознания, или напротив, предохранителя от «перегрева» в случае обострения социальной ситуации; также, посредством таких имен, согласно Делезу, происходит переход от одной серии события к другой. Французский философ поясняет, что имена (в его терминологии, «эзотерические слова»), среди которых выделяются «сокращающие слова», выступающие как переключатели смысла, «слова-бумажники», бесконечно разветвляющие смысл, и «циркулирующие слова», координирующие отношения между различными смыслами (событиями) [2, с. 70-75] «создают связность, некий синтез последовательности, налагаемый на отдельные серии...» [2, с. 69] события. Потому что события всегда сериальны, то есть способны порождать новые события. Благодаря своей сериальности, события сохраняют целостность, несмотря на бесконечное добавление новых значений и имен для квалификации события и бесконечное дробление смысла события.

При этом важно отметить, что смысл события дробится во времени, но не в пространстве. Более того, благодаря такому темпоральному дроблению смысл события и приобретает некую пространственность, то есть фокусируется в определенной культурной и социальной среде. Пример: библейские события мысленно фокусируются в определенном пространстве Ближнего Востока, прежде всего, Иерусалима, в то время как, смысл библейских событий разветвился во времени («ветхий» и «новый» заветы, значения, порожденные разделением на православную и католическую традиции, значения, представленные в эпоху Реформации и отпочкованием от католицизма протестантской традиции, современные неохристианские значения, и т.д.).

То есть, можно сказать, событие осуществляется не темпорально, а пространственно, темпорально событие насыщается значениями. Впрочем, время в событии – в «петле Мебиуса», ведь никто не может гарантировать, что новые значения тех или иных событий значимее, весомее, полифоничнее, чем предыдущие; более того, не гарантировано, что эти значения действительно

новые, вполне возможно, что на самом деле мы снова и снова движемся по кругу, возвращаясь к «старым», освоенным ранее, значениям (несмотря на кажущуюся их противоречивость последующим). Это позволяет Делезу заявить: «Событие, со своей стороны, должно иметь одну и ту же модальность как в будущем, так и в прошлом, в соответствии с которой оно дробит свое настоящее до бесконечности» [2, с. 56] То есть, прошлое и будущее события «по модулю» (базовому значению) совпадают; в настоящем же имеет место полифония нередко противоречивых и не всегда перспективных значений и смыслов.

Французский мыслитель, чтобы разрешить проблему темпоральной целостности / раздробленности события (проблему соотношения значимых виртуальных прошлого-будущего и не всегда значимого реального настоящего события) вводит образы-понятия Эона и Хроноса. Введение этих образов-понятий – уступка Делеза языковой природе события, но мало что дает для осмысления социальной природы события, которая, как утверждал основатель социологии Огюст Конт, всегда позитивно-конкретная. Делез же концептуальное оформление введенных образов производит в негативном поле: Хронос – не Эон (то, что в настоящем – не может быть в прошлом или будущем); Эон – не Хронос (то, что находится в прошлом или будущем – не суть настоящее). Фактически, делезовский Хронос фиксирует точечность события как конкретной социальной реальности, а волновой характер Эона – обозначения события в языке.

То есть, речь идет об уже постулируемой ранее амбивалентной природе события (если использовать язык естествознания, – «корпускулярно-волновой»): событие осуществляется в обществе и событие – принадлежность языка; в первом случае, событие выглядит как корпускула, точка, ячейка, которая «здесь и сейчас»; во втором случае очевиден преимущественно волновой характер события, обеспеченный семантической сериальностью событий.

Принцип семантической сериальности событий стимулирует производство новых событий. Причем, через несколько серий (или сериальных «пластов») события мы уже вряд ли ясно распознаем корневое событие, а ветвления событий будут настолько запутаны, что определить связь между событиями окажется сложно, в некоторых случаях – едва ли возможно (отсюда яркий образ корневища-ризомы, введенный позднее Делезом для обозначения событийной социальной действительности [8]).

Остановимся подробнее на связи *знака, значения и значимости* как семантических атрибутов события.

Знаком события является имя (название) события. Может показаться, что имеют место и другие знаки, например, «обстрел территории» (реальные звуки выстрелов) как «знак войны». Но, при более глубоком погружении в проблему, мы вынуждены признать, что это всего лишь языковая аллюзия, ведь обстрел территории может быть *назван*, скажем, и «антитеррористической операцией», и «разборками местных банд», и т.д. То есть, слыша выстрелы, наше сознание их тут же распознает с помощью языка, чтобы потом квалифицировать как определенный тип события. Конечно, распознавание может пройти и неудачно, но мы это осознаем, только если появятся новые атрибуты – имена и значения – происходящего события. Название (имя события) стимулирует циркуляцию тех или иных значений события и, впоследствии, осмысление того или иного события, его трактовку как «войны» или «бандитских разборок». Другое дело, имен события может быть несколько, они оказываются в конфронтации друг с другом, порождая волны противоречащих значений. Но знаками для события выступают именно названия, имена; признаком непреходящей значимости того или иного события является, как правило, множество названий для него в истории. (Скажем, «Великая Отечественная война», «Вторая мировая война», «борьба с нацистской Германией и ее сателлитами», «война с фашистами», и т.д. – речь, в общем, об одном историческом событии).

Для того, чтобы охарактеризовать *значение* события, следует определить отношения между «исходными данными»: «означающим» и «означаемым».

«Мы называем "означающим" любой знак, несущий в себе какой-либо аспект смысла» [2, с. 60] – поясняет Жиль Делез. Означаемое же им трактуется, как понятие. С другой стороны, означающее – это, собственно, событие, но событие не как социальный феномен, а исключительно как феномен языка, говорения, как «идеальное событие», сформированное сознанием, «логический атрибут» положения вещей, но не само положение вещей. А вот означаемое – это и есть «положение вещей вместе с его свойствами и реальными отношениями» [2, с. 60], то есть, событие в социальном ракурсе.

Получается, что Делез производит, в некотором роде, реверсию: не функции вещей определяют их имена, не общество (социальная природа события) задает процессы осмысления/означивания/наименования, а совсем наоборот. Смысл, и, следовательно, функции вещей уже заданы в процессе их называния и обозначения, имя определяет цель вещи; операции денотации/сигнификации задают горизонт социальной жизни и выступают ориентирами для всех субъектов социальной жизни, будь это личность, группа или целый этнос. Таким образом, по умолчанию, у Делеза реальность задается ирреальностью, или, как поется в детской песенке, «как мы лодку *назовем*, так она и поплывет».

Конечно, нельзя упрощать ситуацию (как и делезовскую концепцию события), полагая, что имя, понятие или обозначающее языковое событие формируют реальность; процессы наименования и обозначения, выступают, скорее, как пусковые механизмы, обеспечивающие признание за каким-либо фактом или явлением права на событийность, то есть, на то, чтобы через этот факт процессы наименования и обозначения продолжились, никогда не заканчивались. Факт – это всего лишь проводник энергии событийности. Сама энергия от фактов не зависит, а зависит от развития языка как информационного пространства. Поэтому, суть не столько в самих фактах, сколько в распространении их представления через средства массовой информации. Конечно, чем больше фактов (современное общество в отличие, скажем, от общества X века), тем больше потенциальных событий; но

актуальная сверхсобытийность современной жизни порождена уже не столько реальным увеличением фактов (в сравнении с XIX веком их не намного стало больше), но во все большем стремлении фиксировать факты как события. Например, факт «рождение первенца у такой-то «звезды» экрана» может превратиться в *обсуждаемое* событие только после того, как об этом напишут на первых полосах газет. Очевидно, что этот факт может быть и проигнорирован СМИ, не превратившись в *событие*.

Еще раз обратим внимание: означаемое – не сами вещи, факты или социальные субъекты, а концепты, фиксирующие положение вещей, фактов и субъектов в обществе, отношения между ними. Означающее – событие; предстает в виде рассказа (истории). Таким образом, и событие, и концепт к собственно фактам (реальности) имеют лишь опосредованное отношение. Событие и концепты связаны не столько с реальными вещами и фактами, сколько друг с другом. То есть, о реальных фактах, вещах и социальных субъектах мы попросту, практически, ничего не можем сказать; в границах феномена событийности мы можем получить представление, рассуждать, спорить лишь о знаках и значениях этих фактов (вещей, субъектов).

Согласно Делезу, событие порождает концепты, а не наоборот. Но что же заставляет производить сами события? По Делезу, утверждающему априорность смысла события перед событием, события вечны и преходящи одновременно, существуют (как потенция событий) и осуществляются (как акт). Все потенциальное многообразие событий содержится в о-смыслении – априорном многообразном Смысле. Через язык события сначала называются, тем самым *обозначаются* их потенциальные смыслы, затем *обозначаются* их актуальные смыслы. Так события реализуются. В процессе реализации событий определяются их условные границы (границы серий) и отношения между событиями. Смысла (событий) всегда больше чем самих событий, и событий больше, чем производимых ими понятий (отношений): «всегда есть неявный избыток означающего» [2, с. 63] и «серии характеризуются большой несоразмерностью» [2, с. 68].

Для обеспечения такой несоразмерности в языковом пространстве события, время от времени, появляется «плавающее означающее», которое «открывает путь для любого искусства, поэзии, мифологических и эстетических изобретений»[2, с. 77]. Применительно к социальному пространству события, «плавающим означающим» выступает событие с принципиально не определенным смыслом и постоянно меняющимися динамичными значениями, функция которого – поддерживать переизбыток смысла социального бытия перед реальным социальным бытием. Это спящий до поры до времени резервуар творческой энергии события (связанной, прежде всего, с наименованием и осмыслением), но сама энергия может быть использована вовсе не обязательно во благо. Уместно будет добавить к заявленным Делезом резонансным для творческой энергии языка явлениям (искусство), что это же так называемое «плавающее означающее» сулит и всяческие революции, которые тоже начинаются в пространстве значений, а потом уже переносятся в экономическую или политическую сферу.

Современный мир с его перманентными искусственными революциями, вероятно, если не окончательно рассеял, то сильно пошатнул влияние сформированной марксизмом установки об обязательной «революционной ситуации» во власти и в экономике как условиях радикального реконструирования общества. Сегодня революции – это, в первую очередь, революция смысла, задающая новый поток сериальности. Поэтому эпоха революций – это эпоха событий, и наоборот. Учитывая, что события не сводятся к фактам, революционная эпоха – это эпоха активных деноминаций и революционных сигнификаций, то есть время иллюзий, метафизики, мечтаний, романтики, – всего того, чем изобилует язык. Революции насыщены событиями, а «депрессивное» социальное пространство – фактами. Причем, «депрессивным» может быть как тоталитарное общество, так и демократическое: это социальное пространство относительно устойчивых значений, когда «плавающее означающее» событий пытаются зафиксировать в

определенных значениях, *о-предел-ить*, задержать и удержать в границах привычных концептов и знаков.

Именно поэтому, в метафизическом плане, от демократии к тоталитаризму – один шаг: наиболее устойчивые идеи демократического общества получают дополнительные «бонусы» от самого общества, перестают обсуждаться и критиковаться, начинают восприниматься как априорные – происходит тоталитаризация идей. Помешать осуществить этот шаг может революция концептов. В общем-то, это естественный процесс развития информационного пространства: определенные значения некоторых событий накапливаются, превратившись уже не просто в волну, а настоящую цунами, которая, если ее не остановить, снесет на своем пути любые социальные конструкции. Чтобы это не происходило часто, культурой и историей формируются «волнорезы» – события с «плавающим значением», вводящие дезорганизацию в процесс производства значений, разбивающие, дробящие волну значений, порождая столкновения между отдельными, теперь уже небольшими и неопасными волнами, предотвращая тоталитаризацию идей и абсолютизацию концептов. (Скажем, к таким историческим событиям с «плавающим значениями» можно отнести в российской истории реформы Петра I, политику Ивана Грозного, социально-экономическую практику СССР). Проблема в том, что само общество заинтересовано в фиксации значений, так как это обеспечивает стабильность социальной жизни. Поэтому, общество, как может, борется с любыми неустойчивыми значениями, пытаясь их *о-предел-ить* и зафиксировать: через СМИ, образование, культивирование некоторых, например, религиозных, ценностей. Но в семантическом ракурсе это значит убрать «волнорезы» «плавающих значений», построить «дамбу» из устойчивых значений, направив всю мощь, всю энергию производных значений в одно русло. Это может быть эффективно до поры до времени: энергия *о-значивания* окажется под контролем в границах искусственного «хранилища значений», что, очевидно, стабилизирует общество, но и приведет, в конечном счете, к его стагнации. Кроме того, не получая необходимый стимул «плавающих

значений», «пустых имен», смыслового нонсенса, такое общество окажется в состоянии имплозии – взрыва значений, обращенного во внутрь; переизбыток значений, не находящий выражение в социальных действиях, просто разорвет общество изнутри. Потому что процесс означивания, производства значений непрерывен, по крайней мере, до тех пор, пока существует человеческий язык, культура. Опасность такой социальной имплозии, вызванной перепроизводством и инфляцией некоторых значений, предрекал Жан Бодрийяр [1, с. 42]. С точки зрения такого подхода, распад СССР был вызван именно имплозией определенных значений; остальные изменения – политические, экономические – опосредованы этим взрывом, латентной революцией значений. Как представляется, сегодняшняя ситуация с западноевропейской демократией из той же области; иное в политическом и экономическом плане общество также готово взорваться изнутри в результате переизбытка некоторых значений, приобретших форму априорных, тоталитарных идей (значения «либеральной демократии», «толерантности», «политических свобод» и т.д.).

Что касается Жюль Делеза, то, подробно рассмотрев процесс производства и отношения знаков и значений, автор «Логика смысла» практически оставил за пределом своего внимания еще один атрибут событийного смысла: *значимость* событий. (В некотором роде, о значимости идет речь в заявленной Делезом операции манифестации, но эта идея не получает развитие, а под манифестацией понимается, скорее, проблемное поле будущих значений (сигнификаций), латентное желание индивидуальности быть выраженной в значениях.)

Дифференциацию понятий «значение» и «значимость» произвел Ф. де Соссюр, но не в рамках социально-философского дискурса исследования феномена события, а в рамках лингвистического дискурса. Согласно Соссюру, и язык есть система значимостей (*valeurs*); значение – это отношение означающего к означаемому, представление означающего об означаемом; значимость же – отношения между только означающими, или только

означаемыми. Учитывая, что для Соссюра и означаемое, и означающее – знаки, хотя и функционально разные знаки, то значимость в самом общем смысле, – отношения между знаками определенного вида [3, с.68-75].

Оттолкнувшись от идей Соссюра и в призме концепции Делеза, резюмируем. Знак – имя события, название. Процесс наи-имен-ования события предшествует и предопределяет процесс о-знач-ивания события. В процессе означивания в первоначально «пустом», но цельном имени события происходит диверсификация – выделяется означаемое (концепт) и означающее (событие в своей языковой ипостаси). Отношения между означаемым концептом и означающим событием, представленным в языке, задают значения. Значение, одновременно, фрагмент смысла события; все потенциальные и актуальные значения события формируют смысл события. Смысл события дробится и дробит сами события до бесконечности, порождая новые, пока еще «пустые» имена. Чем больше новых имен способно породить событие, тем больший его потенциал, то есть значимость (способность производить знаки) перед другими событиями. То есть, в таком понимании, значимость события – отношения событий друг к другу. И если наименование и означивание события происходят, большей частью, в пространстве языка, то для фиксации значимости событие сдвигается в социальное пространство; атрибут значимости событию присваивают социальные субъекты. Процедуры же наименования и обозначения не всегда и не в полной мере осуществляется социальными субъектами (индивидами, группами, этносами); во многом, эти процедуры обеспечиваются естественными условиями развития языка; роль социальных субъектов здесь опосредована – языком.

В результате в событии совершается полный цикл развития от первоначально пустой цельности знака через диверсификацию значений к новой, содержательной, целостности знака – значимости. Так обеспечиваются взаимная прозрачность и референции граней события: события как области языка и события как социального явления, с некоторым сдвигом валентности в пользу языкового пространства, на чем настаивал Жиль Делез.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция (впервые на русском) [Электронный ресурс] // Симулякры и симуляция. Живой Журнал [сайт]. 21 декабря 2012. URL: <http://exsistencia.livejournal.com> (дата обращения: 18.04.2014).
2. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Фуко М. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999. 432 с.
4. Эко У. Имя розы. М.: Книжная палата, 1989. 496 с.
5. Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». Спб., 2007. 92 с.
6. Deleuze G., Guattari F. Rhizome. Introduction. P., 1976.

Сведения об авторе:

Пилюгина Елена Владимировна – кандидат философских наук, директор представительства Российского нового университета (Москва); доцент кафедры общеобразовательных и гуманитарных дисциплин Железногорского филиала Московского психолого-социального института; докторант Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Pilyugina Elena Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Director of Representation, the Russian New University (Moscow); Associate Professor of General Education and Humanitarian Disciplines Department, Zheleznogorsk Branch of the Moscow Psychological-Social Institute; doctorate of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: elenavpilugina@yandex.ru.